

ПОЛКОВНИК Ф.И. ЕЛИСЕЕВ.

ЛАБИЦЫ И ПОСЛЕДНИЕ

ДНИ НА КУБАНИ.

АГОНИЯ КУБАНСКОЙ АРМИИ.

/Апрель 1920 г./

* * *

БРОШЮРА № 8.

НЬЮ ИОРК - 1963 г.

* * *

ЛАБИНЦЫ
И
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА КУБАНИ
1920-й год.

/ брошюра № 8-й /

АГОНИЯ КУБАНСКОЙ АРМИИ.
/со середины апреля 1920г./

ОГЛАВЛЕНИЕ:

- 1.- Решение офицеров 1-го Лабинского полка,
- 2.- Офицеры-Корниловцы. В Адлере, у Атамана Букретона,
- 3.- В с т и х и и б е з п о м о щ н о с т и . . .
- 4.- Я вновь начальник дивизии. . .
- 5.- День 20-го апреля. Пароходы ушли . . .
- 6.- Что предшествовало "миру с красными"?
- 7.- День 21-го апреля. "Разные новости"...
- 8.- Генерал Морозов и красные комиссары.
- 9.- Траги-комический случай с красными комиссарами.
10. Окончательный "конец армии"...
11. Конный раз,езд красных,
12. Батальон красных. Первый произвол красных.
13. Скорбные мысли и события этого дня.
14. Ультиматум красных. Разсуждения...
15. Карта Черноморского побережья от Туапсе и до Грузинской границы.

— • —

Цена брошюры 1 дол. Записывать по адресу:
Mr.Th. Elyseev, 502 W. 177 St. Apt. 1 C,
New York 33, N.Y.

К подписчикам.

За половинную стоимость принимаю все свои выпуски старых брошюр, кроме:

1. "Наш полк в месяцы революции",
2. "С Хоперцами от Воронежа и до Кубани" и
3. "Лабинцы и последние дни на Кубани".

Ф.Елисеев.

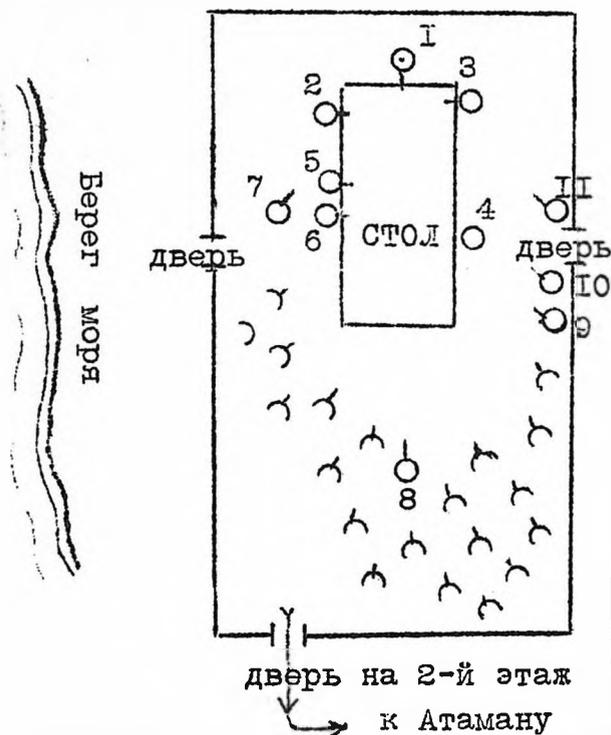
Комната и стол заседания "войско
вого совета" под председательством
Атамана Букретова, 18 апреля 1920 г.
в Адлере.

М Е С Т А :

1. Атаман ген. Букретов. 2. Ген. Шифнер-
Маркевич. 3. Полковник Дрейлинг. 4. Ге-
нер. Сидоренко. 5. Генер. Секретев. 6. Ге-
нер. Голубинцев. 7. Белашев, член прави-
тельства. 8. Полковник Певнев. 9. Пол-
ковник Соломахин. 10. Полковник Елисе-
ев. II. Войск. Старшина Мальцев.

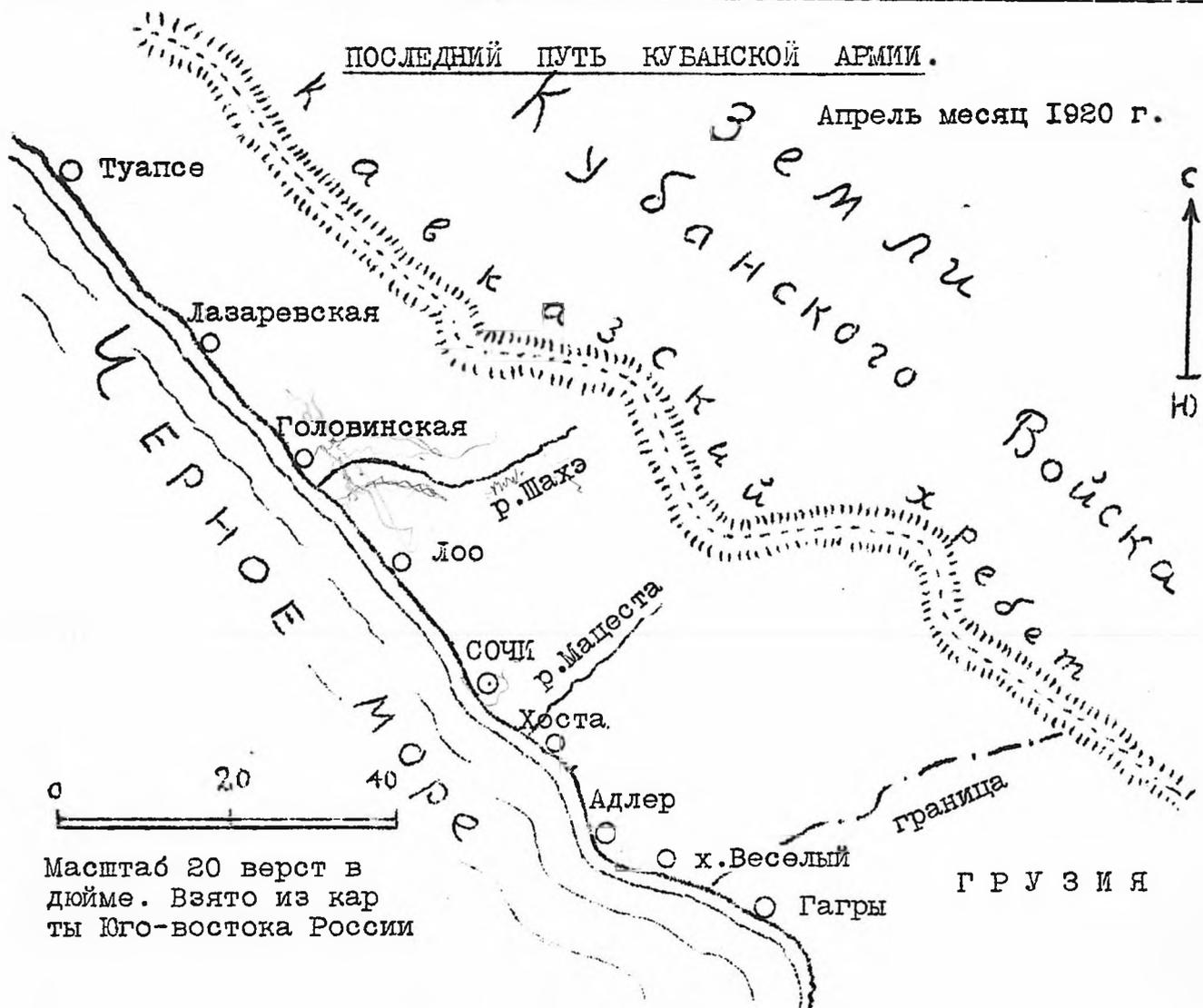
Все остальные штаб-офицеры стояли
густою толпою в углу, от Соломахина
чуть впереди и позади Певнева, фами-
лии коих я не знал.

Ф. Елисеев.

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ КУБАНСКОЙ АРМИИ.

Апрель месяц 1920 г.

Масштаб 20 верст в
дюйме. Взято из кар-
ты Юго-востока России

Г Р У З И Я

Л А Б И Н Ц Ы
И
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА КУБАНИ. 1920г.
/брошюра № 8/

АГОНИЯ КУБАНСКОЙ АРМИИ.

РЕШЕНИЕ ОФИЦЕРОВ 1-го ЛАБИНСКОГО ПОЛКА.

Офицеры не последовали за мною непосредственно в мою комнату а, видимо, в естественном волнении, задержались среди казаков своих сотен - узнать точное их настроение - как быть?

Может быть через полчаса времени они вошли ко мне во главе с полковником Ткаченко, который немедленно же доложил тут-же - "казаки успокоились и что - если уж придется погибать, то всем вместе и с командиром полка. И что теперь им не так страшно".

При закрытых дверях, я подробно рассказал своим офицерам что происходило "на военном совете" в Адлере, со всеми подробностями. Стояла гробовая тишина.

Я еще не знал мнение офицеров - останутся-ли они со своими казаками, или предпочтут бросить их и спастись как кто может, поэтому и закончил доклад следующими словами:

"Атаман Букретов обещал принять на последний пароход "Бештау", стоящий на рейде у Адлера, всех желающих офицеров выехать в Крым, но в одиночном порядке. Ни одна воинская часть не может и не должна грузиться, или переходить Грузинскую границу, иначе красные перейдут в наступление".

"Да и нет других пароходов, на которые можно было бы грузиться" - добавляю к словам Атамана Букретова. "И вопрос обстоит так, что - кто хочет спастись одиночно - надо бросить полк"...

После этих последних моих слов, какой-то грудной вздох пронесся по небольшой моей комнате, где собралось до сорока офицеров полка, сидя и стоя в тесноте.

"Ну, нет!... бросить полк и каждому спастись - это невозможно!... стыдно и недопустимо!" вдруг решительно говорит гордый полковник Ткаченко и, не ожидая моих дальнейших слов, обращаясь непосредственно к офицерам, резко спрашивает:

"Как Вы на это, господа, смотрите?"

"Конечно, нельзя"... грудным, затаенным голосом не сказано, а выдвинуто из груди. Штаб-офицеры Баранов и Сахно авторитетно поддержали Ткаченко. Но я почувствовал, что эти два слова были, именно, "выдавлены" ими из груди по чувству долга и чести перед своими казаками, когда и разум и сердце говорили совсем иначе.

Все мы отлично знали, что с красными не может быть никакого мира. Все почувствовали, что положение ужасное и выхода нет. Но, бросить полк!?!... бросить родной и храбрый 1-й Лабинский свой полк, бросить свои сотни, своих станичников и самим, самим только офицерам спастись - это никак не вменялось в их понятия.

Я предложил ответить каждому персонально, начиная с младшего в чине - как кто хочет решить свою судьбу? Все запротестовали на мой запрос.

"Остаемся все с полком!" раздалось несколько голосов. Но я знал, что легко сказать толпою "остаемся" и совсем другое, это мнение высказать лично. И повел глазами по всем лицам, смотревшим на меня возбужденными глазами, и, немного дольше чем над другими, остановился на есауле Сапунове, словно спрашивая его: - "ну а ты, храбрый, со своими 26-ю пулеметами со столь воинственными надписями на них - ты что скажешь?" И он понял это.

Крупный мужчина в свои 30 лет, кулаком могущий повалить быка не землю - он, в своем трагическом переживании - молча и беспомощно опустил свои глаза долу....

"Господа... дело незаконченное, нам еще могут подать пароходы из Крыма. Мы будем ждать. Важно не разстроить полк. Но никому не возбраняется искать своих путей" - добавляю.

При личном опросе - все высказались "остаться с полком". Решили выехать, и немедленно, только командир 2-й сотни есаул Луценко и его младший офицер хорунжий Шопин. Оба доложили, что им возвращаться в свои станицы невозможно, т.к. они "много залили сала за кожу местным своим мужикам", как доложили собранию. Оба они из заслуженных урядников.

При Луценко был и его отец, отступивший в горы. Луценко продиктовал отцу "оставаться с полком, вернуться домой и побезпокоиться об оставшемся семействе, состоявшем из одних женщин".

Высокий сухой старик лет под 70 с библейской узкою длинною седою бородою, словно олицетворявший всю нашу "Седую Кубань" - выслушивая сына, он только кивал головою и поддакивал: - "Да, да сыночек... останусь"...

Старик не плакал, но я видел - какая жуткая трагедия происходила в его неиспорченной душе, как ненависть к красным, разлука с сыном, а позади, в своей станице - беспомощная семья... Я обласкал старика как мог. Луценке и Шопину приказал выдать положенное жалованье и эвакуационные деньги в сумме двух-месячного жалованья, согласно приказа генерала Деникина.

Распрощавшись со всеми дружески - они выехали в Адлер в полночь того же дня. С ними выехал и мой кучер, вахмистр, казак станицы Михайловской, который доложил мне, что и он "много залил сала за шкуру своим мужикам станицы... почему, оставаться не можем". Фамилию его не помню.

Это были "все", кто покинул полк по личным мотивам. Их больше я не увидел: есаул Луценко умер нормальной смертью во Франции перед 1930-м годом, а хорунжий Шопин поступил рядовым в 1-й Кавалерийский полк Иностранного Легиона Французской армии, дослужился до звания сержанта и погиб в Сирии в бою против восставших друзов. С ним погиб и наш молодой Кавказец есаул Сережа Поволоцкий, будучи так-же сержантом.

ОФИЦЕРЫ-КОРНИЛОВЦЫ. В АДЛЕРЕ, У АТАМАНА БУКРЕТОВА.

Жуткая ночь прошла. Утром 20-го апреля - скачу в Адлер. Надо узнать - возможно что прибыли транспорты из Крыма? Сдаваться красным мы, ведь, совершенно не собираемся! Как должен полковник Дрейлинг, начальник штаба Кубанской армии, что цель переговоров - "оттянуть время... пока придут пароходы из Крыма".

На полпути к Адлеру обнаруживаю обоз Корниловского полка. Путь мой преграждают человек 15 офицеров полка. Впереди них полковник Литвиненко, рядом войсковой старшина Марков; за ними есаулы - Збронский, Мартыненко, Носенко, Тюнин, братья Кононенко, Козлов младший и еще кто-то. Позади всех стоит наш младший брат Георгий, есаул. Других не помню.

"Куда Вы спешите, господин полковник? Зачем? Что слышно? Неужели сдаваться красным? Да никогда!" - забросал меня вопросами Литвиненко.

Оказывается - они ночью бежали из полка, занимавшего арьергадные позиции и, если будет утвержден мир с красными - они будут грузиться на "Бештау" одиночным порядком.

"Полки еще сильны! Мы еще можем сопротивляться! Надо идти в Грузию! И если потребуется - силою развернуть границу, но - войти!" - продолжает возбужденно, короткими фразами, не говорить, а выкрикивать экспансивный полковник Илларион Васильевич Литвиненко.

"Я только командир полка... у нас теперь начальник дивизии полковник Преображенский... обращайтесь к нему" - отвечаю всем присутствующим.

"Плкните на этот штаб дивизии... после отъезда генерала Бабиева - он ничего не стоит... там усі городовыкы!" - парирует мне Литвиненко.

"Да Вы выступите только со своим полком и все к Вам присоединятся!" - продолжает он.

Я удивился возбужденности их, словно кто-то уж хватает их за горло. Что там у них произошло в полку, я не знаю. Они говорят, что командир полка войсковой старшина Безладнов упрямо, будто-бы, заявил им, что - он держит ответственную арьергардную позицию и без приказани ее не оставит. Он потребовал, что бы офицеры оставались до конца при своих сотнях, но они ночью оставили полк и прибыли сюда в обоз и не знают - что дальше делать?

"Хорошо. Едемте со мною в штаб Войска, в Атаману - Вы Илларион Васильевич и Марков и там выясним все" - предлагаю им. Они согласились. К ним присоединился, по своей нетерпеливой инициативе, есаул Збронский.

- . -

Мы в штабе Войска. Там большая суматоха. Миновав парных часовых - вошли в знакомый мне дом по вчерашнему "военному совещанию".

"Атаман занят и принять Вас не может", отвечает мне высокий стройный сотник, или есаул, личный адъютант Атамана Букретова - в аксельбанте на гимнастерке, с приятным лицом, вежливо, но с полным сознанием своего высокого положения.

"А я Вас прошу доложить Атаману, что просит командир 1-го Лабинского полка" - говорю ему требовательно.

Он уходит и вернувшись докладывает, что - "Атаман лег отдыхать и просит его не тревожить, т.к. он не спал всю ночь".

"Вы вначале сказали, что он занят, а теперь говорите, что он отдыхает. Что это значит?... Доложите еще, что его хотят видеть группа офицеров Корниловского полка вместе со мною!" уже возмущенно диктую ему.

"Я этого не могу доложить, господин полковник, и прошу понять меня" - чистосердечно отвечает адъютант - "но если Вам так нужно видеть Атамана - пройдите сами наверх и постучите ему в дверь".

Все мы четверо поднялись на второй этаж и на мой стук в дверь, послышался ответ: - "Кто там?"

"Командир 1-го Лабинского полка и гг. офицеры Корниловского полка, хотят видеть Вас, Ваше Превосходительство" - отвечаю.

Открывается дверь и появляется Атаман. Он одет как и вчера - в ките-ле и в сапогах. Увидев нас — он "потянулся", как делает каждый человек после крепкого сна и, даже, "зевнул", что бы показать нам, что он спал.

Вслед за нами прискакали и остальные офицеры-Корниловцы. Указав жестом на всех - я докладываю своему Войсковому Атаману уже от лица всей 2-й Кубанской казачьей дивизии, что казаки совершенно не хотят сдаваться красным, что полки ждут приказа своего Атамана и могут и хотят пробиваться в Грузию и, вообще, идти куда угодно, но только не сдаваться.

"Разве есть части, которые еще хотят драться?... Я этого не знал... но теперь уже поздно. Перемирие подписано и никуда двигаться нельзя... иначе подведете других. И по всем этим вопросам, теперь обращайтесь к генералу Морозову. Он находится на фронте" - спокойно, деловито, произнес он.

"Так, значит, все кончено, Ваше Превосходительство?"

"Да, конечно"...

"Но, а те офицеры, которые не могут и не хотят остаться? Позвольте получить на них пропуск на "Вештау"?"

"Там все заполнено... мест нет"... отвечает он.

"Это офицеры Корниловского конного полка!.. многие из них первоходники... им оставаться у красных совершенно невозможно!.. Я Вас прошу дать им "пропуск"! - с жаром докладываю Атаману.

"Корниловцы-н?.. ну, хорошо. Попросите ко мне моего адъютанта" - успокаивает он нас.

Знакомый нам адъютант появился и получает распоряжение - "выдать пропуск тем офицерам, на которых укажет полковник" - показывая на меня, говорит Атаман Букретов.

Я рад хоть этому успеху. Все оставляю делать полковнику Литвиненко, а сам бросаюсь в седло и скачу домой, в полк. Потом надо проскакать к брату в 1-й Кавказский полк. Надо спасти его. Потом подумать о Надежде-сестренке.

- . -

Крупной рысью выхожу из Адлера. Дорога из него идет, вначале, прямо на восток и перпендикулярно впирается в шоссе из Сочи в Грузию. Здесь я наткнулся на хвост колонны нашей штаба дивизии, вернее, на последние санитарные линейки.

"Куда Вы?" - спрашиваю.

А не знаем... штаб дивизии впереди идет, а мы вслед за ним.. говорили - идем за Адлер, а куда дальше - не знаем" - отвечает сестра милосердия.

"А полки - тоже идут вслед за Вами?"

"Да не знаем, полковник" - отвечает она же.

Голова штаба дивизии была от меня шагах в 200-х. Впереди шел верхом полковник Преображенский, рядом с ним полковник Гришин. Позади остальные чины штаба и конные вестовые казаки. Они шли очень медленным ленивым шагом и сильно растянулись в своей колонне санитарных линейек. Время у меня было рассчитано и я повернув налево - спешно двинулся к своему полку.

- . -

Этот день 20-го апреля был днем "столпотворения Кубани". Весть "о сдаче Армии" облетела все уголки и ущелья, где ютились полки и беженцы, около 60-ти тысяч людей. Все сразу заворшилось. Все, боясь "сдачи" - двинулось к Адлеру и за Адлер. Связь с частями и управление Армией было

утеряно полностью. Все, как-то, сразу опустело в душах и жизнь самой Армии и ее частей - утеряло свою цель. В воздухе почувствовалось - "конец"... конец всему и конец очень жуткий...

В СТИХИИ БЕЗПОМОЩНОСТИ. . . .

Когда я вернулся к полку - у шоссе, южнее его - обнаружил штаб своего 2-го Кубанского конного корпуса с генералом Хорановым.

Хоранов, пунцовый в лице от неизвестных мне переживаний - был разговорчив, но смущен.

"Я остаюсь здесь... и дальше никуда не поеду. Белые или красные - мне все равно. Везде служить можно. И если они дадут мне так-же корпус - я буду командовать и красным корпусом", говорит он мне в присутствии своих штабных офицеров.

На меня эта философия произвела отталкивающее впечатление. Если мы еще "метались" ища выхода и спасения... Если я дал слово своему полку "остаться с полком" - я еще искал выхода - как и куда идти с полком?

Никто из нас не говорил никому твердо, что, "я остаюсь". Мы оставались, но - как?

Да мы еще и "не оставались". Мы все еще ждали пароходов из Крыма. И цель переговоров была лишь для того, что бы оттянуть время.

- . -

К биваку Лабинской бригады подошел 2-й Сводно-Кубанский полк полковника Лиманского Игната и расположился биваком у шоссе. У Лиманского дивизионный полковой хор трубачей; и было, даже, странно видеть в эти трагические часы Кубанской армии молодецкую часть в 400 шаек и молодецкого 26-летнего командира полка в таком не угрюмом настроении.

Лиманский прибыл ко мне, т.е. он ничего не знает "где штаб дивизии" и прибыл сюда по инерции, что бы быть вместе с главными силами дивизии - с Лабинской бригадой, сила которой определилась в 2.700 шаек.

О Корниловском полку я знал, что он занимает все время арьергадные позиции, а что там у них - я не знал.

Фронт еще держался. Армия еще существовала, но чувствовалось, что кто-то, словно, выдернул из нея стержень

У Адлера, на рейде, еще стоял пароход "Бештау", весь облепленный людьми, словно мухами на мецу. К ним была явная зависть казаков.

"Ось бы йіх пулэмэтім звідцця"... говорит какой-то черноморский казак соседу, сидя на возвышении у шоссе и флегматично покуривая махорку.

В Адлере еще бился пульс главного штаба войск Черноморского побережья, но несмотря на это - "стержня" мы уже не чувствовали. Я почувствовал жуткое одиночество и беспомощность. А главное - отсутствие авторитета.

Штаб дивизии оторвался от полков, куда-то ушел на юг "за Адлер", тогда как все его полки, находились севернее Адлера.

Штаб корпуса под боком, буквально через дорогу, помещается в большой палатке-шатре, но он оказался таким ничтожным, что к нему совершенно не за чем идти. Я переживал, буквально, внутренние мучения Остапа Бульбы, когда его вывели на казнь... т.е. - не имел никакой моральной поддержки от выше

меня стоящих начальников-генералов.

Офицеры 1-го Кавказского полка решили остаться так-же с казаками, где был и наш старший брат Андрей, помощник командира полка, в чине Войскового Старшины. В станице у него осталась жена с дочкой и сыном недостижим еще и 10-летнего возраста.

"Нет, Федя... семью оставить я не могу... будь что будет.. как Бог даст" - печально ответил он.

Эти его короткие слова заставили меня вспомнить и о моих обязанностях перед оставшимися в станице старушками - бабушке и матери и о двух сестренках. Брат Андрей жил уже отдельно от нас и, после гибели отца - я оставался "главою семьи" над беспомощными женщинами.

В душе моей шла борьба. Разум говорил - надо уходить, спасаться и в одиночку, но сердце диктовало иное.

Полк... Бросить полк. Но, как?... Только ночью и секретно ото всех. Иначе - и офицеры могли задержать меня силою.

Да и честно-ли это?...

Конечно - не честно! И пойдет из поколения в поколение молва по станицам: - "Да это тот полковник Елисеев, который бросил своих казаков на берегу и спасся один... А это его сын?... И тоже, наверное, будет такой-же "подлец" как и его отец"...

Эти мысли меня не только что волновали, но они вызвали в моем существе определенное решение: - "нет и нет!.. один спасаться я не могу и не стану".

Так думал я тогда, идеализирую человеческую душу, в особенности казачью, будь то рядовой казак или офицер.

Десять лет спустя, в Париже, да и потом, я ощутил и "изнанку" души некоторых Кубанских казаков и офицеров, и понял, познал на себе, что я тогда на Черноморском Побережье, в средних числах апреля 1920 года - сделал личный промах по своей идеализации человеческой души и - надо было спасаться "и в одиночном порядке". Духовный подвиг не был понятен для некоторых.

Я ВНОВЬ НАЧАЛЬНИК ДИВИЗИИ....

К вечеру 20-го апреля, ко мне представляются есаул Ишутин и ротмистр Дейбль. С ними хозяйственная часть штаба дивизии и казначей-чиновник.

Есаул Ишутин докладывает, что штаб дивизии поехал в хутор Веселый, где будет грузиться на пароход, но они не захотели и вернулись назад. При этом, нач. штаба дивизии полковник Гришин, с казначеем, прислал на мое имя деньги, - жалование, для роздачи полкам дивизии.

Все это меня очень удивило. Удивило то, что штаб дивизии молча покинул свои полки, ушел "грузиться", не дав никакого распоряжения своим полкам.

Возмущенный этим - резко спрашиваю Ишутина, которого отлично знал:

"Почему же штаб дивизии прислал деньги для роздачи полкам, именно, мне?"

"Ну, а кому-же, господин полковник?" отвечает он. "Ведь Вы-же почти все время командовали 2-ю дивизией до соединения с нашей:... ну вот и прислал полковник Гришин на Ваше имя, по привычке".

Казначей доложил, что: - жалование для полков, как и аванс, были получены из штаба корпуса только вчера. Ценные купюры, "керенския и донския", штаб дивизии оставил у себя, а полкам прислал только "колокольчики" 5-ти и 10-ти тысячного достоинства.

Для проверки доклада казначея - иду с ним в штаб корпуса. Он рядом, в палатке, через шоссе. Казначей корпуса, войсковой старшина Клерже /Шура

наш старый Корниловец / - по отчетным книгам дает справку - сколько и ка-кого достоинства он выдал полкам 2-й дивизии. И оказалось, что штаб д-зии прислал только часть денег и в таких больших купюрах "колокольчиков" /выпуск Добровольческой армии/, которая очень низко расценивались и были совершенно не популярны среди населения.

Делать нечего... Принимаю бразды правления дивизией, вызываю командиров полков Кротова и Лиманского, ком были возле - своих командиров сотен и всех троих помощников - Ткаченко, Баранова, Сахно. Выслушав мой доклад - все были не только что возмущены поступком штаба дивизии, но отказались принять деньги. Все настояли послать в х. Веселый офицера и обменять деньги на более ходкую валюту.

"Кого послать?" спрашиваю, зная, насколько щепетильный и неприятный этот вопрос, но который надо разрешить. Мы, ведь, фактически "ждем пароходов из Крыма" и осуждаем штаб дивизии в произволе.

"Позвольте мне поехать, господин полковник?" вдруг решительно говорит командир 1-й сотни войсковой старшина Логвинов. "Я их хорошо знаю, этих штабных" - добавляет он.

Вопрос легко разрешился. Ему был передан весь аванс. Он взял с собою шесть казаков своей сотни и с темнотою, немедленно же отправился в х. Веселый. Вернулся он глубоко за полночь, обменяв "все колокольчики" на "каренки и донския" - так назывались они тогда в общении.

"Не хотели менять" - докладывает он, "но я им сказал - не уеду, пока не получу!... Долго торговались... наконец согласились" - закончил он.

Я поздравил Лагунова с успехом и моя "сухость" к нему за случай в Филиппинском хуторе - прошла.

Как писал раньше - Логвинов был ранен в голову и у него иногда находил "заскок", т.е. ненормальность. Думаю, при объяснении с полковником Гришиным - он был недостаточно воздержан, т.к. в 1927-м году, по этому поводу, возникла переписка. Генерал Шатилов, будучи тогда начальником 1-го Отдела Русского Обще-Воинского Союза во Франции - целиком стал на моей стороне. Официальная переписка эта сохранилась у меня полностью и, возможно, она будет помещена в самом конце этого труда "О Лабинцах".

ДЕНЬ 20-го АПРЕЛЯ. ПАРОХОДЫ У Ш Л И . . . .

Рано утром 20-го апреля, первый мой взгляд после сна - был на Адлер. Глянул и.. похолодело сердце: - на море полная гладь и нет парохода "Бештау".

Немедленно же сначу в Адлер, наш "якорь спасения". В нем какая-то жуткая тишина. На дверях того дома, где был "военный совет", вижу большой лист бумаги, на котором, крупными буквами, кистью, написано:

"Предлагается собраться /указан час времени/ старшим офицерам, для образование Военного комитета". Следует подпись - командир учебной конной батареи, полковник Сергей Певнев.

Прочитав это - своим глазам не верю. Нахожу Певнева и от него узнаю, что Атаман Букретов еще ночью выехал в Батум пароходом. Все старшие генералы и штабы раз, ехались. Власти над Армией НИКАКОЙ нет. Что бы не бросить

воинские части в анархию - надо образовать здесь какую-то власть. И он, как старший начальник, оставшийся в гарнизоне Адлера, нашел единственно подходящим - образовать "Военный комитет".

Я отнесся к этому несочувственно, своего плана не имел, т.к. ждал пароходов из Крыма... Ненашел он сочувствия и среди других офицеров.

Полковник Сергей Иванович Певнев был признан отличным офицером-артиллеристом Кубанского Войска, почему и был назначен Командиром Войсковой учебной батареи. С ним я был знаком еще по Турецкому фронту 1914 года, когда он был чине сотника.

Сказывается: - офицеры Кубанского военного училища предложили ему место с женою, на "Бештау".

"А для моих казаков-батарейцев место там есть?" спросил он.

"Нет... есть место только для Вас и Вашей супруги", ответили.

"Ну, если нет места для моих казаков, нет его и для меня... я остаюсь здесь со своими казаками" - ответил он.

ЧТО ПРЕДШЕСТВОВАЛО "МИРУ С КРАСНЫМИ"?

Военные авторитеты должны были признать, что с падением Воронежа, Орла, Курска и Касторной - перелом военного счастья остался за красными. Это было в первых числах октября месяца 1919 года. К тому же, к этому времени, почти полностью были ликвидированы "белые фронты" - Северо-Западной армии генерала Юденича, наступавшей на Петроград и Северной армии генерала Миллера, действовавшей от Архангельска. Все же армии Верховного Правителя адмирала Колчака - отошли далеко на восток в Сибирь и Туркестан. А когда разыгрывалась трагедия Кубанской армии на Черноморском Побережье - армии Колчака, в тяжелых условиях зимнего похода, были уже за Забайкальским озером, на территории власти Атамана Семенова, а сам адмирал Колчак расстрелян красными в самих первых числах февраля месяца 1920-го года.

По всем данным можно было судить что мы проиграли войну против красных. Но этого сказать, конечно, никто не мог. А фронт - мы считали, что это наш только временный неуспех.

Посмотрим - как тогда думали и говорили старшие генералы.

21 декабря 1919г., генерал Врангель, перед отъездом на Кубань для формирования Кубанских конных корпусов, на станции Нахичевань/под Ростовом/ зашел в вагон к генералу Романовскому, начальнику штаба генерала Деникина и спросил его:

"Отдает ли себе Главнокомандующий ясный отчет в том, насколько наше положение грозно?" и получил ответ Романовского -

"Что же Вы хотите - не может же Главнокомандующий признаться в том, что дело потеряно". /Белое Дело, том 5, стр. 276/.

"О первых ласточках мира с красными", генерал Деникин пишет так:

"В один из ближайших дней перед эвакуацией /Новороссийска/, ко мне явился генерал Бридж со следующим предложением Английского Правительства: - "Так как по мнению последнего положение катастрофично и эвакуация в Крым неосуществима, то англичане предлагают мне свое посредничество для заключения перемирия с большевиками".

Я ответил: - никогда./Очерки Русской Смуты, том 5, стр.347/

Генерал Врангель, оставив Крым по настоянию генерала Деникина - проживал в Константинополе. 18 марта 1920 года, Главнокомандующий генерал Деникин, разослал старшим начальникам секретную телеграмму, что бы они прибыли к вечеру 21 марта в Севастополь для избрания преемника Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России, т.е. - замены самого генерала Деникина. Получив это приглашение, генерал Врангель пишет:

"Я не сомневался, что борьба проиграна, что гибель остатков армии неизбежна. Отправляясь в Крым, я оттуда, вероятно, уже не вернусь".

Дальше генерал Врангель пишет, что Верховный комиссар Великобритании в Константинополе, адмирал Де Робекка, передал ему, Врангелю, секретное телеграмму для генерала Деникина, которая заканчивалась словами:

"Однако, если бы генерал Деникин почел бы себя обязанным его отклонить, дабы продолжать явно безнадежную борьбу, то в этом случае, Британское Правительство сочло бы себя обязанным отказаться от какой бы то ни было ответственности за этот шаг и прекратить в будущем всякую поддержку или помощь какого бы то ни было характера генералу Деникину".

Генерал Врангель, все же, решил ехать в Крым, несомневаясь, что он будет избран преемником генерала Деникина. И свое решение, как и том 5-й, заканчивает словами своего соратника и друга, генерала Шатилова, так:

"Генерал Шатилов, узнав о моем решении, пришел в ужас. "Ты знаешь, что дальнейшая борьба невозможна. Армия или погибнет, или вынуждена будет капитулировать и ты покроешь себя позором. Ведь у тебя ничего кроме незапятнанного имени не осталось. Ехать теперь - это безумие" - убил он меня"./Белое Дело, том 5, стр.304,305 и 306/.

Из этих коротких выдержек генералов Деникина и Врангеля, ясно видно, что "мир с большевиками" зародился не в умах военных и политических руководителей Кубани. Но когда Кубанская армия была прижата к самому морю от Хоста и до грузинской границы, по шоссе и в окрестностях, на пятачке в 15 верст по птичьему полету территории, где скопилось до 60-ти тысяч войск и беженцев, без фуража и продуктов питания для людей - положение стало катастрофическим.

"Представитель Английского командования, присутствовавший при переговорах Кубанского Атамана генерала Букретова, начальника штаба армии полковника Дрейлинга и председателя Кубанского Правительства Иваниса в Гаграх 15 апреля - высказался решительно против насильственного перехода Кубанцами границы Грузии и пригрозил, что в случае осуществления казаками подобного плана - Великобритания не только откажет кубанцам в своей помощи, но решительно воспрепятствует осуществлению этого намерения"./Трагедия Казачества, том 4, стр.478/.

По различным источникам в печати, можно проследить, что Главное командование, будто не собиралось перебросить казаков в Крым по причинам, и не надежности положения в Крыму и не желая усиливать Добро-Армию, как бы, недовольным ему элементом.

"Не знаю что лучше - перевозить ли Ваш корпус в Крым, или с остатками Донской армии переезжать к Вам на Побережье" - писал Атаман Богаевский ком.4-го Донского корпуса генералу Старикову/Там-же, на стр.435/.

"На бурном заседании Донских правителей в Феодосии, решено было воздержаться пока вовсе от перевозки Донцов в Крым. Мотивами этого решения были - с одной стороны развал частей, с другой - опасение за прочность Крыма /"ловушка"/ - пишет генерал Деникин на стр. 351, "Очерки Русской Смуты" том 5-й.

"На заседании старших начальников 22 марта 1920 года в Севастополе, было оглашено ультимативное сообщение Британского Правительства генералу Деникину с указанием о необходимости прекращения неравной и безнадежной борьбы".

Генерал Врангель, принимая преемственность стать Главнокомандующим, под составленным актом написал следующее:

"Я делил с Армией славу побед и не могу отказаться испить с нею чашу унижения". /Трагедия Казачества, том 4-й, стр. 142 и 143/.

О задержке переброски в Крым 4-го Донского конного корпуса, много и подробно сказано в книге генерала А.В. Голубинцева, под заглавием "Русская Вандея", изданная в Мюнхене в 1959.

Голубинцев был командиром 14-й Отдельной Донской конной бригады, входившей в состав 4-го Донского корпуса. Кроме того, он был в комиссии по переговорам "о перемирии с красными", назначенный в нее вр. командиром их корпуса, генералом Калинин. Книга эта - во всем интересна, как документ.

Мы, фронт - мы тогда ничего не знали о жуткой катастрофе Донской армии при эвакуации Новороссийска. Две трети ее численности - осталось на берегу.... Вот почему Донское правительство в Феодосии, как пишет генерал Деникин - "воздержалось пока вовсе от перевозки 4-го Донского корпуса в Крым", считая, что Крым должен "пасть".

Кубанское правительство и Войсковой Атаман были при своей Кубанской армии. О катастрофе в Новороссийске они отлично знали уже 15-го марта на совещании старших начальников в Туапсе. Совещание было под председательством Атамана Букретова. На нем участвовал и Командующий Кубанской армией генерал Улагай, только что прибывший из Крыма. Уверенности в твердость положения Крыма, видимо, не было, т.к. на этом совещании решено было "отходить в Грузию". /журнал "Казачьи Думы" №19, от 15 февраля 1924 года, София, Болгария/.

По многим источникам, на Черноморское побережье отступило около 60-ти тысяч войск с беженцами. По оставлении Сочи 16 апреля, вся эта масса войск и беженцев столпилась на 15-ти верстном протяжении, по шоссе и ее обочинам, от селения Хоста до Грузинской границы.

Генерал Голубинцев в своей книге пишет: - "Насколько помню, Донских казаков в строю было около 12-ти тысяч, а всего на довольствии около 18-ти тысяч.

Черкесская конная дивизия насчитывала в своих рядах около 3-х тысяч всадников. Следовательно, Кубанская армия насчитывала в своих рядах около 40 тысяч. Беженцев с Кубани было очень мало. Их дали только Екатеринодар и Майкоп.

Начальник штаба армии полковник Дрейлинг, на первом совещании в Адлере 16 апреля, на котором присутствовали - Атаман Букретов, военный министр Кубани генерал Болховитинов, вр. командир 4-го Донского корпуса генерал Калинин, генерал Шифнер-Маркевич и председатель Кубанского правительства Иванис, доложил "о тяжелом положении армии, в которой числилось 47 тысяч

бойцев, а продовольственных запасов в интенданстве всего на один день" /Трагедия Кавачества", том 4, стр. 481/.

Положение войск Черноморского побережья стало катастрофическим. Из Крыма молчание и нет подачи транспортов. Грузия закрыла границу. Английская эскадра в Черном море поддержала решение Грузии, а Британское правительство в Лондоне, как указано выше, предложило еще генералу Деникину, прекратить войну с красными, считая ее "проигранной и безнадежной"....

При таком катастрофическом положении, Кубанский Атаман и Правительство, решило само заключить перемирие с красными, надеясь, что перевозочные транспорты из Крыма, еще подойдут...

"16-го апреля была послана по радио телеграмма генералу Врангелю в Крым с просьбой прислать пароходы для эвакуации казаков в Крым".

"17 апреля была послана новая просьба о присылке пароходов" /"Трагедия Кавачества", том 4, стр. 483 и 486/.

Пароходы не прибыли....

ДЕНЬ 21-го АПРЕЛЯ. "РАЗНЫЕ НОВОСТИ". . . .

Утром представляется мне есаул Борис Ногаец, прибывший из Адлера, с такими словами:

"Господин полковник - позвольте мне влиться в Вашу дивизию с моим Атаманским конным полком?"

С Борисом Ногайцем я познакомился в Екатеринодаре, перед революцией. Он был тогда прапорщик 2-го Екатеринодарского полка и являлся младшим братом сотника Ногайца, офицера Конвоя Его Величества. Среднего роста, хорошо сложенный, стройный, красивый - он мне тогда очень понравился. Теперь я его вижу в чине есаула и, по старому знакомству, крепко жму руку.

"Что за полк - Атаманский? Такого в Кубанском Войске нет. И, к тому же, почему Вы хотите влиться именно в нашу дивизию?" - спрашиваю его. И он мне доложил следующее:

"По избранию Войсковым Атаманом генерала Букретова - Кубанский гвардейский дивизион был переименован в Атаманский полк и являлся, как бы, Конвоем Войскового Атамана. Из Екатеринодара, перед эвакуацией его - два взвода казаков со Штандартами были направлены в Новороссийск и отплыли в Крым, а полк отходил с Правительственным отрядом в Туапсе. Теперь, ввиду капитуляции армии, все старшие офицеры оставили полк и уехали в Крым, а я, как самый старший из оставшихся офицеров - возглавил полк. В нем до 400 пашек. Так как полк не входил ни в одну дивизию и является гвардейским - нам стало страшно оставаться в одиночку и мы решили влиться в Вашу дивизию. Вместе сдаваться красным не так страшно", закончил он.

Проходит некоторое время, как представляется новый есаул, командир дивизиона 1-го Запорожского полка, с такой же просьбой.

"А где же сам полк?" спрашиваю.

"1-й Запорожский полк неизвестно где.. это есть группы казаков, отступившие сюда и не найдя полка, постепенно организовались вместе и нас теперь две сотни, человек 250", закончил он.

Небольшого роста, крепныш телом, отчетливый, видимо из учителей или из молодецких урядников. Фамилию его не помню.

Понимая их душевное состояние, сам беспомощный, обласкал и приютил как мог. Борис Ногаец будет разстрелян красными в Екатеринодаре.

Вдруг пришло распоряжение через штаб корпуса, но уже не из Адлера, от Атамана Букретова, который в это время был в Грузии, а из селения Хосты, от генерала Морозова:

"Для того, что бы познать красную армию - сегодня же командировать в Сочи по одному офицеру от полка и по одному уряднику от сотен. Всем быть в военной форме, при холодном оружии, но без погон".

Сенсация... Собираю офицеров 1-го Лабинского полка, читаю телефонограмму и спрашиваю "желающих проехать в стан красных". Все офицеры улыбаются и молчат. Желающих не нашлось.

"Позвольте мне проехать в Сочи, господин полковник?" - вдруг говорит полковой медицинский врач. "Я то их, красных, хорошо знаю! Целых два года под ними, извергами, был! Меня то они не проведут!"

Назначены были в сотнях и надежные урядники. Где то на сборном пункте, на кампоне, все отправились в Сочи. К вечеру они вернулись.

"Красную армию не узнать... везде старые порядки... красноармейцы вежливые... угостили нас хорошим обедом. Говорят - "не бойтесь!... у нас порядок" - так доложили нам всем офицерам полка урядники от сотен.

"Да, господин полковник.. красные переменялись здорово... и к лучшему" - докладывает доктор. "Конечно, я настроен был против них, но и то, должен сказать - переменялись они до неузнаваемости. Бояться их нечего.. можно оставаться" - "утешил" он нас.

Оказывается - когда комиссия от Атамана Букретова отказалась от приглашения проехать в Сочи для подписания перемирия - генерал Морозов, что бы не сорвать переговоров - на свой риск сам поехал в Сочи на поданом ему красном автомобиле. Его просил комиссар "быть без погон". Потом Морозов рассказывал, что сверх гимнастерки с погонами - он накинул шинель. Но там, в переговорах в штабе, шинель пришлось снять и... его все величали "Ваше Превосходительство". Рассказывал он и сам смеялся. Оттуда он и привез распоряжение "выслать делегатов".

Возможно, что генерал Морозов так-же "оттягивал время", как докладывал на "военном совете" полковник Дрейлинг, в ожидании пароходов из Крыма?

Прошло уже два дня, как Армию покинули все руководители, и нас, пока, никто не трогал. И мы не знали - что-же нам делать?

В этот же день, через штаб корпуса, получена новая телефонограмма от генерала Морозова, что - "К 4-м часам дня, он прибудет в расположение корпуса для разговоров с казаками. Всем выстроиться у шоссе, но безо всякого строя".

ГЕНЕРАЛ МОРОЗОВ И КРАСНЫЕ КОМИССАРЫ.

Все части, кои располагались возле штаба корпуса, сгруппировались на возвышенностях шоссе по обе ея стороны и ждут - стоят, сидят и курят.

Скоро показался легкий грузовик из-за поворота шоссе. Кто-то там командовал "смирно". Мы все повернули головы к машине и видим генерала Морозова стоящим на площадке грузовика. Он в шинели нараспашку и в погонах, но при нем два солдата "без погон" и с красными звездами на фуражках. Третий - в какой то рабочей рубашке, в босяцкой кепке-блином, на которой пришита матерчатая красная звезда. Мне показалось это галлюцинацией...

Трех-тонный грузовичек остановился. Морозов быстро сходит с площадки машины. За ним соскакивают два красных солдата - в хороших новых гимнастерках и штанах защитного цвета и в солдатских простых сапогах. Они без шинелей.

Если бы с них снять "звезды" с фуражек, так же защитного цвета - это были бы писари какого то штаба пехотного полка старых времен.

Они бодро и смело идут вслед за генералом Морозовым и активно, с улыбкою рассматривают лица казаков. Третий красноармеец, очень убогий видом и своим неизвестного цвета и покроя костюмом - остался стоять на кампоне.

"Здорово казаки!" - громко произнес Морозов, остановившись.

"Здравия желаем Ваше Превосходительство!" громко, но не связно, как всякая толпа, ответили казаки, числом, думаю, сверх двух тысяч человек.

"Ну, вот, казаки!... война окончена. Мы подписали с советским командованием мир... бояться Вам их нечего. А каковы они? - Вам об этом скажут их комиссары" - так коротко, почти дословно, сказал нам всем тогда генерал Морозов. При этом, генерал жестом, указал на двоих, сопровождавших его.

Вот с кем прибыл он в наш Казачий стан, горькою ирониею пронеслось в моей голове.

Передний из них, маленький блондин лет 30-ти, тип латыша/совершенно белобрисный/, но с интеллигентным лицом, быстро поднял руки вверх и смело выкрикнул:

"Товарищи казаки!... Зачем строй?... Быстро ко мне сомкнитесь и поговорим по-душам!"

От этих его слов - на меня "екнуло" 17-м годом... Ну, вот, и митинг, от которых мы не только что отвыкли, но и презираем его.

Мы все в погонах. С толпою казаков и офицеры окружают комиссаров. Они оба взошли вновь на площадку кампона и... начали. Начали говорить те же слова, что и в месяцы революции.

"А теперь скажет слово военком 34-й красной дивизии товарищ Робиневич" - закончил свою речь "бело-брисный", а кто он таков - мы не знали.

Робиневич, словно обрадовавшись своей очереди - как застоявшийся конь - он быстро стал впереди говорившаго, окинул казаков торжествующе-победным взглядом и тонким фальцетом запишал, зашебетал, заговорил...

Выше среднего роста стройный красивый брюнет, с ловкими военными манерами, с экспансивностью южанина - содержание его речи - все та же агитация, революция, товарищ Ленин и пр. и пр. то, от чего мы давно отвыкли и что теперь внушало моей душе, и отвращение и... страх.

Казаки слушали молча. Я смотрел в их лица и читал на них то-же, что ощущал и в своем сердце.

Проп-пали, проп-пали мы... думал я тогда. Революция, советская республика, красная власть - навалились опять на нас всем своим отвратительным существом!....

"А в доказательство того, что у нас в армии порядок - слово скажет Ваш же Кубанский есаул, командир роты нашей 34-й дивизии", вдруг заканчивает Робиневич и жестом указал на ту несчастную фигуру в неопределенного цвета и покроя одежде, в босяцкой кепке-блином и с красною звездкою из тряпки на ней, - как эмблема советской власти. Это заявление произвело на всех нас исключительное впечатление... Все широко открыли глаза на своего

Кубанского есаула, командира красной роты, который своим видом и костюмом, был вылитый босяк с Дубинки, что под Екатеринодаром.

"Товарищи казаки!.. Я есаул 10-го Кубанского пластунского батальона Великой войны! Может быть кто тут из Вас есть служивший в этом батальоне, то он может это подтвердить!"

Это заявление произвело особенно исключительную сенсацию на всех казакв. Все, как-то притихли от такой неожиданности.

"А ну-ка, сними свой картуз?" - кто то резко и недружелюбно выкрикнул, как бы желая разоблачить "этого самозванца", глянув в его открытое лицо.

И есаул снял послушно свою кепку и медленно повел по сторонам голову, будто ища знакомых казаков и офицеров и показывая "свое лицо" в натуральном виде - и в профиль и спереди.

"Ваня-а!" - выкрикнул рядом стоящий ко мною друг детства, родичь, сверстник по Майкопскому техническому училищу, бывший учитель, а теперь сотник 10-го пластунского батальона еще с Великой войны, Гриня Белоусов.

Сомнений не стало: то был, действительно, наш Кубанский есаул-пластун. Речь его не была так связна, как предыдущих комиссаров. Он говорил только об армии, в которую он попал случайно в Екатеринодаре при отступлении. Он командует ротой. Успокаивал казаков "ничего не бояться" и спокойно ждать событий. Это произвело на казаков большее впечатление, чем предыдущие ораторы.

Речи закончены. Комиссары хотели говорить с казаками уже "по-частному" и задавать им вопросы. Это была "их служба".

После всего этого, генерал Морозов с комиссарами двинулся за Адлер, что бы говорить с полками, находившимися там, а нам позволили оставить у себя есаула, что бы ближе познакомиться с порядками в красной армии. И он рассказал нам, что: - "Его часть отходила через Екатеринодар. Он побежал на Дубинку попрощаться с женой, но когда бежал обратно - мост через Кубань был взорван и он наткнулся на красных. Быстро перескочив через забор - скрывался в каком-то дворе и отсидевшись - вечером вернулся к семье. На следующий день - регистрация офицеров. Их было много. Его, как и других - поставили в строй. И с тех пор "он гнал своих-же белых" в составе 34-й красной дивизии...

Его оценка красной армии была менее оптимистична, чем у комиссаров. Но, все-же, порядок, безусловно, есть. Кормят хорошо. Комиссары мало вмешиваются в строевое дело и красноармейцы слушаются своих командиров. Вне строя, конечно, все равны, закончил он.

Он сказал больше положительное о красной армии, но наблюдательный человек, заметил бы в этом и многое отрицательное. Во всяком случае, его выступление сыграло только на руку красным. Фамилию его забыл.

Я не мог понять: - почему красные медлили? Уже прошло три дня после ультиматума "о сдаче", а мы все еще существуем вооруженными и как Армия. Тянул ли время Морозов, что бы было возможно "спасаться каждому как кто может", иль красные, ввиду своей малочисленности, боялись вступить в вооруженную и многочисленную зону казаков? Не знаю.

Приезд комиссаров произвел на меня тяжелое впечатление. Я выразил офицерам своего полка свои мрачные мысли. И видел, что все они были не в радужном настроении. Но мы не знали - что же нам делать? Куда идти? Как спасаться? Спасаться, конечно, с полком, но не в одиночку. Мы пали духом...

И появились сейчас корабли из Крыма - все двинулись бы к погрузке?

Разрушительная сила, почему-то, всегда сильнее созидательной. И как угаривали, вот, эти комиссары! И, конечно, действовали на изстрадавшуюся душу казака. Да и не могут ли не действовать на нее, земледельческо-хозяйственную, такие слова, как они говорили, зывали к казакам: -

"Вас советская власть не тронет. Вы будете попрежнему трудиться на своей земле. Вас мы, даже, не возьмем в красную армию. Идите и работайте дома и живите со своими семьями спокойно"...

ТРАГИ-КОМИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ С КОМИССАРАМИ....

За Адлером - комиссары вновь выступили пред казаками. Там были и Донские части. Что произошло - не знаю. Но сам генерал Морозов, в Костроме, в тюрьме, в плену у красных, как-то сказал, на наши вопросы:

"Мерзавцы... чуть не убили нас донцы"....

Появление красных комиссаров среди донцов, произвело такое впечатление, какое производит красная тряпка на быка. С криками, с оскорблениями, донцы решили их арестовать. Генерал Морозов, в естественном порядке, активно стал на защиту "своих гостей". Донцы схватились за оружие. Комиссары и генерал Морозов бросились в лес, спрятались и, какими то путями, пробрались пешком в нейтральную зону. Оттуда Морозов телефонировал генералу Хоранову выслать к нему надежную часть, что бы спасти их, главное, но, спасти комиссаров, т.к. в случае их гибели, произойдет большая катастрофа, перемирие будет сорвано и красные двинутся в наступление. А каковы будут результаты этого - можно предполагать.

Генерал Хоранов обратился ко мне и просил "Федор Ивановича" выслать сотни две Лабинцев на выручку "гостей".

Я наотрез отказался и предупредил командиров сотен - в случае "нажима" со стороны Хоранова, доложить ему, что "казаки этого не хотят".

К нашему удивлению, генерал Морозов и комиссары сами выбрались из опасности. Казакам вся эта история очень понравилась. Они и смеялись и жалели, что комиссары выбрались живыми... Таково было настроение казаков уже перед самой капитуляцией. И появились тогда среди нас видный и авторитетный Кубанский генерал с решительным характером - пошли бы многие и на авантюру.

Историческое прошлое Кубанского Войска обязывало к этому. Но для этого, нужна была л и ч н о с т ь. Ея не оказалось среди Кубанского генералитета. Достойных было много, но великих не было. Вот почему и погибла так недостойно и в мучениях Кубанская армия.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ "КОНЕЦ АРМИИ"....

Красные решили действовать. В эту же ночь на 22 апреля, из Хосты, от генерала Морозова, получено следующее распоряжение:

"Завтра 22-го апреля, на Грузинскую границу пройдет батальон красной армии для занятия постов. Приказываю всем гг. офицерам и казакам снять все внешние воинские отличия /погоны/ Вооруженных Сил Юга России, во избежание инцидентов при проходе красной армии. Разрешается не снимать только боевые ордена Великой войны!"

Кроме того - приказываю:

"Все оружие - пушки, пулеметы, винтовки и револьверы - сложить в порядке у шоссе - винтовки в козлы, а пушки и пулеметы в один ряд. И возле них не быть казакам.

Холодное оружие оставить при казаках, а гг. офицерам оставить и револьверы".

Ну, вот, и конец... сказали мы, прочитав это. Конец всему.. А парашохов из Крыма, так и нет....

Настало утро 22-го апреля. Стояла дивная теплая весенняя погода. Было так тепло и радостно в природе! Так хотелось жить!... Но вместо жизни, - нам приподносился смертельный и окончательный яд в это упоительное весеннее Южно-Черноморское поэтическое утро.

Я уже не вышел к полку своему, 1-му Лабинскому храброму, смотреть на самое позорное явление в жизни Армии - как сдачу его оружия противнику без боя... и смотреть и знать - кто и как снимает с себя погони....

Я совершенно не знал и не знаю - что и как происходило в полках в самом Адлере и за Адлером. Но в нашем 2-м Кубанском конном корпусе - все происходило, ~~все-все~~ спокойно. Правда, с угрызением совести, с внутренней стыдливостью перед каждым, с полным сознанием, что происходит что то большое, мало еще понятное для нас, но безусловно - что то с т р а ш н о е.

НОЧНЫЙ РАЗ, ЕЗД КРАСНЫХ.

Было часов 10 утра, 22-яго апреля. Я устал думать о нашем общем горе. Что бы развлечься - верхом, в выцвевшейся рубашке-бешмете под черкеску, выехал на север от полка. С бугра вижу на шоссе большую группу пеших казаков и посредине ея - верховых лошадей. В этой толпе чувствуется какое-то оживление. Заинтересовавшись - спускаюсь вниз и выхожу к шоссе. И через головы казаков - вижу красную конницу... Их один взвод человек 25, держа лошадей в поводу, был окружен казаками, весело беседующих с ними. Красноармейцы, из своих сум, дают казакам свой хлеб и наши казаки, безо всякаго стеснения жадно едят его здесь же, и говорят и спрашивают, пытливо ~~разспрашивают~~ своих вчерашних врагов.

Вот оно - неожиданное появление... Вот оно "братское" братание.. вот он появился воочию "голод не тетка" - думаю. "Конец"!.. конец пришел настоящему и фактически. Уж сейчас казаков не заставишь слушаться своих офицеров - "бить красных"... Они уже соединились и.. побратались. Они все говорят не только что "одним русским языком", но они уже говорят "одним чисто солдатским языком"...

Везде, во всех армиях мира, есть две категории военно-служащих, это - офицеры и солдаты. И каждая из этих категорий, встретившись - говорят на одном и том же, очень им понятном "корпоративном языке" - офицеры с офицерами, а солдаты с солдатами. Вот так было и здесь.

Остановившись вблизи, опустил повод уздечки, дал своей исхудавшей кобылице "вольную стойку", перебросил правую ногу через переднюю луку, склонился к шее лошади и смотрю на эту картину. Я не хотел, что бы они видели бы во мне офицера и "переменились бы" в позах, в разговорах. Я хотел видеть их "естественными" и послушать - о чем они говорят? Конечно, разсматриваю, первым долгом, красноармейцев. Смотрю, и вижу, и сознаю, что наших делегатов в Сочи, они, обманули...

Пере до мною стоят рослые кавалеристы. Они одеты очень прилично, во все защитное. Вооружены карабинами, шашками. Все при шпорах. Это их "низ".

А вот их "верх"... Они все те-же революционные большевики 1918 года. Фуражки хулигански и ухарьски зафошены назад. Из под фуражек развихрились целня копы волос как у шахтеров, что придает физиономии каждого из них отталкивающий и опасный для обывателя вид. В руках стеки или хлысты. На фуражках красная звезда. У некоторых околыши фуражек обвиты красными лентами. И у всех на груди красуются пышные красные банты.

Говорят только красноармейцы - гордо, вызывающе, хвалясь чем-то. Казаки только слушают и жадно жуют их хлеб.

Мне не удалось все услышать, что они говорили, но долетали фразы, что у них теперь порядок и бояться казакам нечего.

"А это наш господин полковник... начальник дивизии", вдруг открывает мое инкогнито какой-то казак.

Все, в особенности красноармейцы, быстро повернулись в мою сторону. Раздосадованный за это, я подбираю поводья, словно случайно их распустил и хочу уехать от них. Нельзя же мне, полковнику и начальнику дивизии, показывать, что я их подслушивал.

"Товарищ полковник, не бойтесь! У нас теперь в красной армии много служат старых офицеров", говорит мне какой-то чубатый и хлесткий парень лет 27, видимо их начальник раз, езда.

Я этим вопросом не интересуюсь и спрашиваю:

"Кто они? И куда едут?"

"Это головной взвод... а вот там идет наш батальон на Грузинскую границу", поясняет он.

Ну, вот и все. Вот этот батальон и закроет сегодня же нашу "последнюю дырочку", через которую еще можно было шмыгнуть в Грузию, подумал с горестью я. "Конец" приходил нашему "белому существу" самый настоящий и... фактический.

-вернулся к себе и-

Поблагодарив их - немедленно же сообщил офицерам полка "что видел и слышал" только что.

Казаки, как всегда, чутьем знали, что идут красные. Толпы их уже высыпали по буграм, восточнее шоссе. Мы, офицеры, стояли вдали.

Вот проходит этот, мне знакомый, взвод конницы. Всадники дружески улыбаются казакам. Идут в колонне "по-три". Их посадка на кавалерийских седлах, их фуражки, их чубы и красные банты на груди - так не гармонировали с казачьей толпой, сплошь в папах, в бешметах, или в гимнастерках, или в чересках нараспашку и... без всякого оружия.

БАТАЛИОН КРАСНЫХ.

Скоро, из-за поворота шоссе, показалась не колонна, а два красноармейца, которые несли на древках длинный плакат во всю ширину шоссе, весь исписанный белыми буквами. Что было написано - издали не разобрать. Может быть было написано: - "смерть буржуям и казакам"... "бей их офицеров"...

За плакатом, шагах в 25-ти, шел духовой оркестр, но он ничего не играл на своих трубах. За ними тянулась колонна, в ряд по 4 человека. Шли очень уставшим медленным нудным шагом.

Этот плакат был так не уместен перед строевой частью, словно она шла на революционный парад, или на похороны, как это мы видели в 1917 году.

Батальон был малочисленный. Думаю, не свыше 400 штнков. Он шел молча, грузно, словно с боязнью. Многочисленные толпы казаков до 3-х тысяч, выскочив на все бугры и склоны к шоссе - молча провожал взглядами вчерашних своих врагов. Казаков было так много, и вид их был настолько легко-подвижной, что казалось, крикни, вот - "В атаку братцы!" И они, бросившись со

склонов - голыми руками обезоружили бы этот красный батальон.

За батальоном потянулись санитарная линейка и обоз. Какой-то красный начальник, увидев вблизи хорошую лошадь 1-го Лабинского полка, подехал к ней, взял за уздечку и повел за собой. Казак-хозяин бросился вслед, чтобы отобрать свою лошадь, но тот ему тут-же пригрозил кулаком. Я быстро посылаю своего адъютанта, сотника Косульникову, выручить лошадь, но красный командир ответил, что лошадь нужна для красной армии. Да и все равно, не сегодня, так завтра, их всех отберут у Вас.

Мы офицеры молча перглянулись между собой. Лошадь не была возвращена. Это была "первая пилюля красных", которую мы молча и беспомощно проглотили.

Какой-то следующий красный командир, на очень приличной высокой, гнедой масти лошади, въехал на бивак 1-го Лабинского полка и разговаривает с моими трубачами. Я посылаю узнать - что он хочет?

"Он хочет взять трубачей в свой красный батальон" - получаю ответ.

Один взял насильно лошадь у казака, а этот хочет взять полковых трубачей... Да что же это, в самом деле?! - возмущаюсь.

Я прошу этого "красного конника" к себе, чтобы узнать - что он хочет? Он немедленно подехал, спешился и спросил - кто его зовет и по какому случаю? Пока-же что - я быстро рассматриваю его. У него отличная, чисто офицерская лошадь и под офицерским седлом. Одет он очень чисто, во все защитного цвета, при револьвере и при кавказской шашке, богато оправленной в серебро. Маленького роста, подтянутый, лицо полуинтеллигентное, приятное, но глаза строгие, испытывающие. Одеть ему только погоня и он будет офицер военного времени.

"Я командир этого казачьего полка, что расположен биваком внизу. Что Вы хотите и кто Вы таков?" - сказал ему коротко.

"Я помощник командира батальона, что прошел только что... нам нужны недостающие трубачи для нашего оркестра. Вот, командир батальона и прислал меня взять их с этого бивака", поясняет он совершенно просто, грамотно произнося каждое слово, твердо и определенно высказывая свою мысль.

"А почему Вы не спросили меня, командира этого полка - можно-ли взять моих трубачей?" - вполне резонно спрашиваю его.

"Извините меня, но я не знал, что за этим надо было обратиться к Вам. Я исполняю приказ своего командира батальона", так-же просто отвечает он без запинки.

Из его ответов, я понял, что "сила воинской власти" у нас не только что разная, но и не в пользу нас. Мне понравилась его "определенность", и задания своего начальника и то, как он со мною говорит, совершенно независимо. Медя точнее узнать - "откуда это дитя" - спрашиваю:

"Вы, наверное, бывший офицер"?

"Да... бывший подпоручик с Терека".

"Казак?" - допытываюсь.

"Нет... но уроженец Терека", отвечает он коротко и с достоинством.

"Как-же Вы попали в Красную армию?" -

"Был мобилизован красными... вначале не нравилось, а потом привык. А когда Вы выгнали нас с Терека и деваться было некуда - стал служить исправно. И вот теперь, помощник командира батальона", закончил он.

Мне такая исповедь очень понравилась. Я зову его в комнату, чтобы со

своими помощниками, поговорить с ним "чисто по-офицерски". При этих моих словах, он, даже, отступил шаг назад и, переменяя свой вежливый разговор на более суровый, словно я его призывал теперь изменить красной армии и стать в наши "белые ряды", отвечает:

"Ну не-ет!.. этого сделать я не могу".

Я понял, что он и душой стал уже красным и непримиримым нашим врагом. Теперь он победитель и ему недостойно войти к нам, даже, в комнату. Это скомпрометирует его красные ризы...

"Вы, все-же, позвольте мне взять часть Ваших трубачей? Нам нужны только басы. А не дай бог - вторично приеду и по приказу своего командира - сам уж возьму", вежливо, но совершенно решительно говорит он.

Это была вторая пилюля от красных в течении каких-либо полчаса времени, которую проглотил лично уж я...

Чувствуя свою беспомощность - "разрешил ему взять моих басов"...

"Урядники-басы пришли проститься со мною. Все они трубаческой команды еще с мирного времени, возрастом под 30 лет. Все они воински подтянутые и молодецкие на вид.

"Как-же Вы будете играть у красных?... И не стыдно Вам?" - наивно, по воинской гордости, спрашиваю их.

"Да это для нас еще лучше, господин полковник" слышу в ответ. "В станицу сейчас возвращаться, даже, опасно. Сами знаете, что мы делали со своими мужиками!... У всех у нас рыльце в пуху!... А то вот мы послужим немного в красной армии, заручимся документами - тогда и не страшно будет вернуться домой", так деловито ответили мне мои молодецкие трубачи. Суровая обстановка диктовала свои условия. Я их не осудил. Только просил не подличать перед новыми начальниками.

"Ну, ды эту то сволочь мы хорошо знаем!" с нескрываемой злостью ответили они.

Их станичники-Константиновцы, за границей, как-то рассказали мне, что - "в Таврии, генерал Бабиев захватил в плен красную пехоту с их полковым оркестром, в котором были и эти трубачи-лабинцы. Выругав и посмеявшись над ними - он зачислил их в свой хор трубачей.

Эти две описанные картинки показывают - как в гражданской войне все изменчиво, до трагизма человеческой души.

Молча проводив красный батальон и посидев еще немного на возвышенностях у шоссе - казаки лениво, апатично побрели к своим бивакам. А потом говорили между собою: - "И этим "ванькам" мы сдались" /?!?/. .....

Но это были только "цветики" агонии Кубанской армии.... Непредвиденная неприятность еще были впереди. И они были более трагичны.

- • -

Итак, ровно к обеденному времени 22-яго апреля, армия, фактически, оказалась в плену у красных.

СКОРБНЫЕ МЫСЛИ И СОБЫТИЯ ЭТОГО ДНЯ. . . .

Наше оружие лежало у шоссе впереди бивака полков. Мы еще могли не подчиниться красным. Но теперь нужен был толчек извне, т.к. у казаков сложились уже иные думы, а именно: - как можно скорее попасть домой...

Так постепенно события раз, едали казачью душу и раз, ели ее почти до конца.

Мы голодали. Казаки не стеснялись выпрашивать хлеб у всех красных, проезжавших мимо нас. В красном обзоре, в качестве конной прислуги, было несколько белых казаков, взятых "по пути". Они охотно делились с просящими своею казенною порцией.

Нам об, явили, что первая казенная еда от красных будет в Сочи или в Туапсе. А пока что - питать полки надо своими средствами.

Это легко отдать распоряжение, но - когда мы все об, ели, когда не стало никакого подвоза с тыла, когда разрушен центр управления армией, когда всяк думал только о себе - положение полков стало ужасным.

Передано было следующее распоряжение, что все части к Сочи будут пропускаться не более как по одной дивизии в сутки что бы не загромождать путь и что для всех, сразу, приготовить пищу невозможно. И первыми будут пропущены те части, которые стояли ближе к красному фронту. В данном случае, это касалось частей генерала Морозова, Корниловского конного полка и 4-й Кубанской дивизии. Следующая очередь была нашей 2-й Кубанской дивизии.

Как ни странно думать издали, не пережив это, но тогда, все части стремились как можно скорее попасть в эти "заповеданные пункты" и наесться вдоволь.

Между частями, даже, поднимался маленький "семейный спор" - кому это и какой части "посчастливилось" первой попасть туда и... поесть вдоволь.

И вот - ирония судьбы: - Корниловский конный полк, этот выдающийся боевой полк Кубанского Войска, стойкий и сплоченный, который первым обнажил свой меч против красных, зародившись в 1-м Кубанском походе - он, как стоял на позиции, выставленный еще мною лично после сдачи Сочи 16 апреля - он "первым-же" сложил оружие перед красными вместе с командиром полка войсковым старшиною Владимиром Безладным и с большинством своих офицеров, оставшихся со своими казаками.

Сложив оружие - они двинулись в Сочи. Мы об этом узнали из телефонограммы генерала Морозова, называемым теперь "Командующим армией".

Знали и гадали - что-же с ними сделали красные? И, конечно, боялись за судьбу офицеров. Даже думали - наверное некоторых уже разстреляли...

Удивительная человеческая психология и, главное, такая непоследовательная. Мы боялись за Корниловцев. Казалось бы - ну так сопротивляйтесь остальным? Ищи выход! Уходи! Спасайся хоть ты, пока жив и свободен! У тебя, ведь, еще и оружие в руках!

Но не тут-то было. Все мы шли на то-же, может быть на ожидаемую смерть от красных, как летят мотыльки на огонек...

Черкесская конная дивизия, пылкая и необузданная в воинской дисциплине, оставленная на попечении очень мелких в чинах своих офицеров, не вышедшая корнета, она, не считаясь "с очередью" - гуртами, самостоятельно потянулась "к хлебу".. Ее тогда возглавил корнет Махмуд Беданокоев, мой ста-

рый кулак 1-й Конной дивизии генерала Врангеля, по боям в Закубанье 1918-го года. При нем был и начальник штаба дивизии, ген. штаба русский капитан /фамилию не помню/, высокий стройный офицер, перешедший к нам от красных. Будучи комендантом одного города - он сдал его белым и, по условиям капитуляции, являлся государственным преступником у красных. И вот - он "сдался"... Потом он будет арестован красными в Москве и отправлен в тюрьму.

Для скорости попасть в Сочи, "напростоэць", берегом моря и по недостроенному полотну жел. дороги Сочи-Адлер, мелкими группами, и в одиночку, без винтовок и только со своим неизменным "сидором за плечами" - двинулись пластуны.

Потянулись подводы беженцев. Все повернули "свои оглобли" назад, к Сочи, забыв, что всего лишь несколько дней тому назад, все они торопились в обратную сторону, к Грузии...

Жуткая незабываемая картина бедствия всякого побежденного народа.

День 23-го апреля проходил вот в таких передвижениях мимо биваков Лабинской бригады, 2-го Сводно-Кубанского и Атаманского полков. Корниловский полк уже сдался. Молодецкий Партизанский конный полк полковника Польского, подчиненный непосредственно штабу корпуса при генерале Науменко, 4-я Кубанская дивизия и нашей дивизии Кубанская бригада - были следующими для движения к Сочи. "Очередь 2-й Кубанской дивизии приходилась на 24 апреля... Мы все подтянули животы. Нам абсолютно нечего было есть. Мой хозяин инженер, был очень рад, что "война закончена и теперь, каковы бы не были - большевики-сволочи", как он сказал, "но они должны закончить прокладку жел. дороги до Адлера и дальше, до Грузинской границы". Поэтому, у него будет работа и жизнь семьи будет "сносная". Теперь он угощает меня и Надюшу какими то своими запасами, которые он тщательно скрывал от нас. Мы ему нравимся своею безхитростною искренностью. Жена его полюбила Надюшу как свою дочь, хотя ей и было чуть свыше 30-ти лет. Сны нас оч. жалеют и успокаивают, что - "а может быть советская власть изменилась к лучшему и офицерам у них жить будет можно/?!/"...

- . -

Но мне пришел "в гости" командир Сводно-Кубанского полка полковник Игнат Лукич Лиманский "думу-думать". С ним и его две сестры милосердия. Посидели за чаем в обществе дам; так приятно и уютно было на душе! И так хотелось "жить"! И пронеслись мысли о будущем: - буду заниматься садоводством в станице; у нас два сада - сверху, на кочугурах фруктовый, а внизу, над Кубанью - травяной, по две десятины каждый; сеяную траву, люцерну, косили 4 раза в лето. Землю в степи, казачьи пай - буду сдавать "вскопшину", т.е. половина на половину для меня и арендателя. У меня две верховых кобылицы. Они дадут жеребят. Дома осталось 4 рабочих лошади. Жить будет можно и я должен заменить в семье погибшего отца и буду трудиться для бабушки и матери, а три сестренки должны еще учиться. О женитьбе я тогда не думал. Долгая война с 1914 года и холостецкая жизнь глубоко вкоренились в мое существо и мне казалось, что жена мне, пока, ненужна.

Но я тогда еще не знал, что красноармеец-работник, которого я спас от смерти - при нашем отходе из станицы, забрал всех четырех рабочих лошадей, мажару, всю упряжь и уехал к себе в Константиновскую станицу. И не вернул ничего.

Он "субботник" - арендой житель станицы, но не казак, взятый нами в плен под селом Спицевка Ставропольской губернии. Его фамилия Соломон Пенков. Оказалось - он был активным большевиком в своей станице в 1918 году. Но самое главное - мы не знали, что лошади и седла казаков, подлежали к

сдаче красной армии, а офицеры будут сосланы в тюрьмы и лагеря далеко на север от Кубани... Все это проведено красными продуманно и коварно. Для точности понимания плана красных - привожу их условия, как последний ультиматум.

У Л Ь Т И М А Т У М   К Р А С Н Ы Х.

1.- Все лица, которые производили без суда и следствия всякие разстрелы, грабежи и насилия, а так-же офицерство, состоявшее на службе в рядах красной армии и добровольно перешедшее на сторону войск командования южной России - считаются уголовными преступниками.

2.- Всем, добровольно сложившим оружие, гарантируется жизнь и свобода. Разрешается раз, ехать по домам и всем казакам, гражданским лицам и беженцам. Генералам и офицерам предоставляется полная свобода, кроме по пунктам 1 и 2 условий.

/Пункт 2-й предварительных условий говорил:- "Искренне раскаявшимся в своем проступке и выразившим желание искупить вину перед революцией - поступление в ряды красной армии и принятием активного участия в борьбе с Польшей, посягнувшей на исконные русские территории", Ф.Е./.

3.- Инициаторам и руководителям возстаний свобода не гарантируется. Они подлежат или привлечению в трудовые батальоны или заключению в концентрационные лагеря до конца гражданской войны и, только в виде особой милости, они могут быть допущены в ряды красной армии.

4.- Все огнестрельное оружие подлежит к сдаче. Кинжалы, серебряные пашши и дедовское холодное оружие остается на руках, при условии круговой поруки, что это оружие не будет обращено против советской России.

5.- Содействие возвращению на родину будет оказано поскольку позволят разрушенная войною пути.

6. Все собственные вещи, деньги офицеров-казачков, не подлежат отбору, кроме приобретенных нелегальным путем.

7.- На ответ дается двенадцать часов, считая срок с момента получения настоящих условий, после чего, при неполучении удовлетворительного ответа - военные действия будут возобновлены с удвоенной энергией. Ни в какие мирные переговоры представители командования тогда вступать не будут.

8.- Условия будут считаться нарушенными, если хоть один человек, после получения условий перемирия, будет пропущен в Грузию или уедет в Крым.

9.- Срок ответа не может быть изменен, согласно условий военно-революционного совета 9-й армии. Срок мирных переговоров кончается 2-го мая /19-го апреля по старому стилю/ сего года в 4 часа 15 минут /утра, Ф.Е./ К означенному сроку, Вам надлежит дать определенный ответ.

Подписали:- Начдив Егоров. Военком дивизии Сутин. 192 Ст. 00 часов 40 минут. /т.е. 40 минут после полуночи на 19-е апреля ст.ст. Ф.Е./
Трагедия Казачества том 4, стр. 487 - 490.

На стр. 491-й той-же книги сказано, что члены комиссии - полковник Дрейлинг, генерал Голубинцев и председатель Кубанского Правительства В. Иванис отказались ехать в Сочи к красным для подписания этого ультиматума и Атаман Букретов проучил все это сделать генералу Морозову

к/

Не вдаваясь в разсуждение пунктов этого ультиматума, должен сказать, что он не был известен ни казакам ни офицерам. Его нам прочитал накануне, на "военном совете", полковник Дрейлинг. Прочитал и вложил в свой портфель. Печатным он не был распространен между полками, и за неимением времени и за сумбурности общего собрания. Одно надо сказать, что и на заседании "военного совета" и в разговорах, понималось, что лошади и седла останутся у казаков, как их имущество, которое гарантировалось "неприкосновенным" по пункту 6-му.

Мы тогда наивно думали, что всех нас отпустят по-домам "для мирного труда", прямо из Туапсе... т.е. - в свои станицы, к своим семьям, в свой отчий дом, что так дорого каждому человеку, а земледельческо-трудолюбивому казачеству - в особенности.

Странно было то, что Крым, т.е. Главнокомандующий генерал Врангель, словно забыл о Кубанской армии, переживавший свои трагические дни на Черноморском побережье у Адлера. Шел уже третий день, как Армия была покинута Атаманом Букретовым, Кубанским Правительством и некоторыми высшими генералами. В армии было полное безвластие, если не считать власти генерала Морозова, находившегося на фронте и, уже, в послушании красного командования.

Казалось бы - подай пароходы из Крыма с отозванными генералами - Улагай, Шкуро, Науменко, Бабиев и Муравьев и - все устремились бы к посадке и ушли бы - в Крым, в Батум, "к турку" и, хоть, к черту на рога, но только не сдаваться красным.

И напрасно говорили некоторые Кубанские политические деятели, что - "Кубанские казаки не поедут в Крым". Это было заблуждение, толкаемое политическими мотивами.

Никому не известны затаенные мысли генерала Врангеля. Возможно, он не верил, что из Крыма можно дойти до Москвы и свергнуть там красную власть и думал об эвакуации Крыма, как неизбежности. Поэтому и не было необходимости усиливать армию в Крыму еще многими десятками тысяч с их семьями, брать нравственную за них ответственность и потом, все-же, эвакуировать из Крыма в общем исходе поражения.

Все это только догадки. Но факт остается тот, что Кубанской армии, в самые ее трагические дни гибели - рука помощи из Крыма не последовала... И единственный генерал Шкуро, сумевший сам прибыть с английскими судами к хутору Веселому и подобрать остатки своих соратников, около полторы тысячи человек. /Кубанский Календарь, издание общества "Вольная Кубань", Белград, 1931 год, стр. 54/

При оставлении Кубани, не только что любой рядовой казак, но и любой офицер, мог остаться в любой станице и не уходить к Туапсе. К этому не было тогда, ни принуждения воинской дисциплиной, ни контроля. Просто - казак или офицер, не выехал в строй, а полки продолжали отступать на юг.

Следовательно - на Черноморское побережье ушли все добровольно и как непримиримые враги красных. И вот - их бросили... Так погибла вся сила и цвет Кубанского Войска.

В Новороссийске погрузились лишь кадры полков - Уманского полковника Гамалия и Запорожского полковника Рудько. Всего, после гибели Кубанской армии, в Крыму сгруппировалось чуть свыше 2-х тысяч строевого Кубанского казачества. И как в том же Кубанском Календаре сказано, что: - "В моменты наивысшего напряжения конца 1918 года, численность Кубанских воинов доходила до 110 тысяч" - в Крым ушло только три процента их....

Пусть историк разберется - кто виноват в этом?

В заграничной казачьей печати появлялись разные небылицы о тех трагических днях Кубанской армии. Писали, что были разстрелы некоторых офицеров и грабеж казачьего имущества. Этого не было. Разстреляли только нескольких офицеров в самом Екатеринодаре в дни десанта на Кубань из Крыма, о коих сказано будет потом. Личного имущества ни у кого не отбирали, кроме как у одиночных казаков, кто самотеком шел к Туапсе, да и это было как редкость.

Писали, что несколько тысяч казаков ушли в горы, "в зеленые". Голодные, обезсиленные морально - могли ли "несколько тысяч" уйти в горы, во враждебные крестьянские села, у которых было войсками уже все забрано для еды и на корм лошадям? И зачем ушли? Неужели, что бы освободить Кубань? Или идти на Москву? И если вся армия капитулировала без боя, то что же могли сделать, хотя бы и тысячи казаков, ушедших в горы? Это была фантазия писавших, не бывших там. Могли идти через перевалы "по козьим тропам" только небольшие группы казаков горных станиц Баталпашинского, Лабинского и Майкопского Отделов, что бы незаметно пройти в свои станицы. Только.

О том - как происходило разоружение, отобрание лошадей перед Сочи, что происходило в Сочи, в Туапсе, в Белореченской, в станицах по маршруту в Екатеринодар всей армии "в пешем строе" и что потом происходило в самом Екатеринодаре - опишется в следующей брошюре, как все это переживший сам.

Полковник Елисеев.

Написано в Индокитае, в Сайгоне в 1941-м году и сокращенно издано в Нью-Йорке, в ноябре 1963-го года, с некоторыми новыми справками.

ИСПРАВЛЕНИЕ ОШИБОК.

В №6-м, на стр.16, сказано, что Атаманом Ейскаго Отдела был генерал Кислый. Это случайное недоразумение. Им был генерал Закладный, который со своим небольшим отрядом отступал к Туапсе.

В брошюре №7-й, на 33-ей стр. сказано, что генерал Шифнер-Маркевич умер на острове Лемнос. Это описка. Он умер в Галлиполи, о чем я знал точно, но т.к. Кубанский корпус был на Лемносе, а ген. Шифнер-Маркевич всю гражданскую войну провел среди Кубанских полков, то машинально перепутано - где нашел свою последнюю кончину отличный генерал, сподвижник Шкуро.

В той же брошюре №7, на карте, река Малдеста, на который Корниловский конный полк занимал аррьергардную позицию, начертана южнее села Хоста, но на самом деле, эта речка протекает севернее Хоста. На карте Юго-востока России и на карте Кубани, изданной генералом Науменко эта реченка не обозначена. Теперь я нашел ее на старинной карте Сочинского округа до-военного времени, в масштабе 5 верст в 1-м дюйме. Карта исключительно интересная в своих подробностях населенных пунктов и рельефа местности.

На той же карте, на реке Шахе, обозначен крупно черкесский аул ИЧМАЙ, видимо тогда богатый аул, в районе исторического 1-й Лабинский и Корниловский конный полки, занимали сильную позицию.

Прорезывая все трудности - пишу лишь то, что глаза мои видели и чему был живой свидетель и участник.

Ф.Е.